

Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 400 с.

Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 731 с.

Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1984. – 944 с.

ЛЕКСЕМЫ *ДОБРО* И *ЗЛО* КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ТЕКСТА РОМАНА В.Д. ДУДИНЦЕВА «БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»

М.В. Петрова

*Научный руководитель: Л.А. Сергеева,
доктор филологических наук, профессор (БашГУ)*

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования лексем *добро* и *зло* в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды». Данные лексемы являются ключевыми словами текста, так как они представляют собой элементы авторского тезауруса, по которым читатель сверяет свою область знаний с когнитивной картиной мира автора текста [Шехтман 2003: 38; Лукин 2005: 175], то есть помогают в понимании авторского замысла. Таким образом, они представляют соответствующие концепты культуры, и их смысловое содержание становится намного богаче словарных значений. Но их роль этим не ограничивается: общепризнанным является тот факт, что текст вторгается в сферу сознания читателя, воздействует на него, осуществляет изменения в его когнитивной базе, в его отношении к действительности, в системе его ценностей [Щирова 2004: 87]. Этические концепты, вербализованные ключевыми словами текста, являются важным средством такого воздействия.

Как отмечают философы, в принципе «общая нравственная позиция человека отождествляется с содержанием понятия добра, а наличие разных позиций у разных людей объясняется трудностями познания добра, ошибками и заблуждениями на этом пути» [Максимов 2000: 23]. Чтобы установить понятие добра, нужно выяснить, что именно человек считает добром. В первую очередь, в этом может помочь словарь: проанализировав словарные статьи лексем *добро* и *добрый*, а также работы Н.Д. Арутюновой об оценочных значениях, мы выяснили, что в русском языковом сознании существует несколько форм добра: гедонистическая, этическая, утилитарная и эстетическая. Ниже мы рассмотрим, какие когнитивные модели добра и зла представлены в романе В. Дудинцева.

Слово «добро» в романе всегда употребляется как оценочное, и «если два человека расходятся в том, является ли некоторый предмет N

“морально добрым”, или если один утверждает, что “добро есть Х, и только Х”, а другой – что “добро есть Y, и только Y”, то это, очевидно, объясняется не словесной путаницей (которую можно было бы легко устранить путем договоренности о значении употребляемых слов), а различием моральных позиций оппонентов» [Максимов 2000: 25].

Чаще всего лексемы *добро* и *зло* встречаются в своем основном (этическом) значении: *Поговорить о свободе воли, о добре и зле; Может быть, где-нибудь зарыт под землей платиновый эталон добра? Что такое добро? Что такое зло? Дайте сначала дефиницию!*. Федор Иванович Дежкин определяет добро как качество намерения (в противоположность злему намерению): *А если я хочу вам, Стефан Игнатьевич, доставить приятность – понимаете? То качество такого моего намерения – добро. – Тут он слегка поклонился сначала Тумановой, а потом, подчеркнуто, – Вонярярскому. – Та же самая дефиниция, но со знаком плюс.* Нередко можно увидеть и лексему *добрый*, с помощью которой можно попытаться понять, что именно может быть добрым и что значит «добрый человек» по мнению героев романа. Это качество присуще человеку всегда и дано навсегда: если человек добрый, то его уже не изменишь (впрочем, как и злого человека). Например, Федор Иванович Дежкин говорит: *Если вы действительно считали меня когда-то добрым человеком, если не ошибались, то таким я и уйду в могилу. Человека нельзя сделать ни плохим, ни хорошим.* Академик Посошков подтверждает его слова: *Доброго человека не заставишь быть плохим.* Таким образом, здесь мы видим противопоставление «добрый – плохой», то есть лексема *добрый* употребляется в общеоценочном значении ‘хороший’. Дежкин считает, что добрый человек может ошибиться, совершить злой поступок, но потом он обязательно будет страдать: *Мне лучше пострадать от ошибки доброго человека, чем от безошибочного коварства. Настоящий-то добрый осудит, а потом и маяться будет, страдать. Пересмотрит приговор пять раз.* Добрый человек может причинить зло и под действием какой-то угрозы: *Хороший человек преодолевает в себе чувство страха, физиологию. Но если угроза очень страшная, такое может быть... Хороший человек, и тот может дрогнуть. Это уже будет не трусость, а катастрофа. Но это не изменит его нравственное лицо. Человек останется тем, кем он был до своей гибели. И будет искать искупления... Я, конечно, имею в виду сверхугрозу, превосходящую наши силы.* Таким образом, автор показывает трагизм того времени, когда человек может и не сохранить в себе добро. Так, Елена Блажко говорит Федору Ивановичу: *Все и так уже знают, что одежды у вас белые. Их надо иногда в шкаф...* Однако главный герой, в отличие от многих своих коллег, сохранит в себе Добро.

Злой человек не может стать добрым – он может только притвориться таковым: *Когда академику Рядно было нужно послать кого-нибудь на не слишком чистое дело, он становился очень добрым – легко, автоматически оперировал всеми жестами и повадками душевного, мягкого человека.* Таким образом, зло может маскироваться по добро: *А вот зло – этот товарищ охотно принимает благодарность за свои благодеяния, даже за несуществующие, и любит, чтобы воздавали громко и при свидетелях.* Наконец, зло осознает себя в человеке: *Федор Иванович приостановился. Его ключ действовал безошибочно. Зло, отлично знающее свою суть, как всегда маскировалось добрыми намерениями.* Однако такая «маскировка» бесполезна: *«Мы с вами сейчас будем спорить, а Учитель выставит нам отметку», – сказал высоченный Борис Николаевич, с плутоватым и добрым, длинным, как у борзой, лицом.*

Внутренняя доброта человека отражается и на его внешности: *Потом я спрашиваю: «У вас, наверно, есть мама?» – «А как же!» – и уже мягкий. «И вы ее любите?» – «Кто же не любит свою мать?» – «Как тебя зовут, сынок?» – «Слава», – и вытер лоб, смотрит на меня ясными, добрыми такими глазами.*

Добро должно быть активно, т.е. человек должен совершать добрые поступки. В.И. Даль говорил, что «назначение человека именно то, чтоб делать добро». В основе такого поступка – доброе намерение. Такому добру-намерению противоположно зло, целью которого является причинение страдания. Если поступок причиняет кому-то страдание, то это злой поступок. Но только если этот поступок был именно намеренным: *Разве камень может быть злым? Разве в Библии не сказано – не обижайся на камень, о который ты споткнулся? Камень, гвоздь в ботинке – это безразличные обстоятельства, причиняющие вам страдание. И только. А вот если я желаю причинить вам муку и бросаю в вас камень. Как суд назовет этот поступок? Зло-намеренным! Значит, зло – это качество моего намерения, если я хочу причинить вам страдание. Вот вам дефиниция.* Но почему человек совершает добрые поступки? Мнения героев в ответе на этот вопрос расходятся. Например, Стефан Игнатьевич Вонлярлярский считает, что *добрым поступком человек прежде всего удовлетворяет свою потребность в специфическом, остром наслаждении*, но Дежкин ему возражает: *Не то, добро – страдание. Иногда труднопереносимое.* Добро-страдание связано с христианским представлением о добре. Василий Степанович Цвях в романе приводит пример из «Откровения Иоанна Богослова»: *Сии, облеченные в белые одежды, – кто они и откуда пришли? Они пришли от великой скорби.* «Белые одежды» – это чистые, ничем не запятнанные

одежды Добра, которые можно выстрадать, – тот, кто пострадает за добро, будет прощен Богом: «Они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. Сего ради они пребывают ныне перед престолом Божиим и служат Ему день и ночь в Церкви Его, и Сидящий на престоле вселится в них».

Кроме христианского представления о добре-страдании, в романе присутствует представление о «добре-сострадании»: *Потому что добрый порыв чувствуешь главным образом тогда, когда видишь чужое страдание. Или предчувствуешь. И рвешься помочь. А почему рвешься? Да потому, что чужое страдание невыносимо. Невозможно смотреть.* Носителем этой модели добра является медсестра, которая страдает, когда делает перевязки солдатам. Кроме того, представлена модель «добро-отношение», «добро-намерение». Это подтверждают, в частности, слова Федора Дежкина о значимости доброго слова для человека: *Когда мне говорят доброе слово, не дающее ничего полезного для моего кошелька, я ничего не получаю! Ничего, кроме ощущения счастья! То же и со злом. Поймаешь взгляд, адресованный тебе, полный ненависти, и страдаешь. И так было три тысячи лет назад.*

Стоит отметить, что в романе совсем не представлена утилитарная когнитивная модель добра. И это неслучайно: авторы и последователи русской философии триединства, а также исследователи русского языкового сознания неоднократно отмечали, что в русской культуре, в отличие от германской, например, концепты *добро* и *польза* никак не связаны.

Итак, в романе, как и в русском языковом сознании в целом, преобладает этическое представление о добре и зле, в соответствии с которым добро является нравственным абсолютом, а зло – осознанным и целенаправленным его неприятием (высшая степень зла) или «грехопадением» людей под воздействием «сверхугрозы, превосходящей силы человека». В последнем случае человек может быть прощен, если потом он по-настоящему страдал.

Вместе с тем в художественном тексте смысловая структура концепта значительно обогащается, поскольку в его периферийную зону включаются не только этнокультурные, но и дискурсивные смыслы.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Ось-89, 2005. – 560 с.

Максимов Л.В. О дефинициях добра: Логико-методологический анализ / Л.В.

Максимов // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000. – С. 17-30.

Шехтман Н.А. Ключевые слова в научном тексте / Н.А. Шехтман // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 2003. – № 10. – С. 35-39.

Щирова И.А. О «правах» автора, читателя и текста / И.А. Щирова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2-3. – С. 86-92.

ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ С.М. МИРОНОВА

А.А. Дульская

*Научный руководитель: Н.Н. Кошкарлова,
кандидат филологических наук, доцент (ЮУрГУ)*

Гуманитарные науки на протяжении всего XX века находились под обаянием феномена языка. По словам Ричарда Роти, «язык вербует мир», и, следовательно, самое надежное знание о мире зашифровано именно в языке [Русакова 2006: 208]. Сегодня исследовательская область под названием «теория дискурса» является одним из наиболее активно развивающихся направлений современных общественных наук, а внимание зарубежных и российских ученых все больше уделяется проблемам когнитивной лингвистики. Последняя, в свою очередь, нашла отражение в работах Т.А. ван Дейка, Л. Талми, Н.Н. Белозеровой, Н.Д. Арутюновой и др. Важно отметить, что политическое воздействие и манипуляция общественным сознанием принимает все более новые формы, а политический дискурс играет все большую роль на внутренней и внешней политической арене РФ.

Для того чтобы читатель правильно понимал и адекватно оценивал выступления одного из ведущих политиков страны, мы предлагаем провести психолого-лингвистический анализ личности С.М. Миронова, описав отражаемые в его речи когнитивные аспекты, а также проанализировав в связи с этим его психологический портрет.

Составление психологического портрета мы провели на базе теории классика психоанализа К.Г. Юнга. По мнению Юнга, каждый человек обладает не только индивидуальными чертами, но также и чертами, характерными для одного из психологических типов. Данные типы предопределяют наиболее важные сферы деятельности для человека, указывают на слабые и сильные места в функционировании психики. Юнг пишет: «Два лица видят один и тот же объект, но они видят его не так, чтобы обе, полученные от этого картины, были абсолютно идентичны. Помимо различной остроты органов чувств и личного уравнения часто бывают глубокие различия в роде и размере психической ассимиляции воспринимаемого образа» [Юнг 1995: 716].